

DOI 10.18522/2415-8852-2024-1-52-65

УДК 82-1/29+82-193

ОНТОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ФРАГМЕНТА В ЖАНРОВОМ МЫШЛЕНИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Анна Владимировна Кузнецова

доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-3001-3377

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра лирического фрагмента, одного из самых показательных в отношении осуществления эстетических принципов Ф.И. Тютчева. Цель статьи заключается в осмыслении условий и предпосылок формирования в поэзии Ф.И. Тютчева жанра лирического фрагмента как особой модели мировосприятия и творческого миромоделирования поэта. Доказано, что эволюция лирического фрагмента в поэзии Тютчева обусловлена трансформацией жанровой системы предшествующих эпох, а также постепенным уходом романтизма с литературной арены. Акцентируется внимание на противоречивой природе русского романтизма, эстетические принципы которого включают, в противоположность западноевропейскому, компоненты идеологии эпохи Просвещения, ее рационализм и опору на философию картезианства. Поэтому лирический фрагмент у Тютчева способен выразить не только всю противоречивость его творческой личности, но и поэтическую натурфилософию, а также особенности тексто-дискурсивной деятельности как в творческой, так и в профессиональной сферах. Лаконизм лирического фрагмента является его определяющей жанровой чертой, которая способствует насыщению поэтического текста символическим содержанием. На примере стихотворения «День и ночь» (1839) показано, что так называемый натурфилософский лирический фрагмент представляет собой основную жанровую модель поэзии Ф.И. Тютчева. Эта модель отличается онтологическим характером в творчестве поэта, т. к. наиболее ярко отражает особое восприятие бытия и места человека в мире в контексте целостного мировосприятия Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: лирический фрагмент, жанр, романтический канон, философско-медитативная лирика, картина мира, жанровая модель, натурфилософия, идиостиль, Ф.И. Тютчев

5 декабря 2023 г. исполнилось 220 лет со дня рождения Ф.И. Тютчева (1823–1873), великого русского поэта, дипломата, публициста. Несомненной его заслугой перед русской литературой является не только углубление философичности лирики, расширение ее идейно-тематического потенциала, усиление ее медитативного начала, но и переосмысление различных лирических жанров и их трансформаций на рубеже эпох – «золотого» века русской поэзии и века прозы, открывшегося формированием «натуральной школы» и явившего вершины русского реализма в творчестве И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого. По всей видимости, с наибольшей очевидностью жанровое мышление Ф.И. Тютчева проявляется в том, как возникает и развивается в его поэзии жанр лирического фрагмента.

Изучение лирики Ф.И. Тютчева в самых разных ее аспектах имеет в отечественном литературоведении длительную историю [Бухштаб; Касаткина; Кожин; Соловьев], что, тем не менее, продолжает выявлять различные проблемные вопросы в отношении сущности творческой личности поэта и особенностей художественного мира тютчевской личности, его жанрового и исторического мышления и пр. [Гаспаров; Исупов; Калашникова 2012а; Калашникова 2012б; Чумаков].

Тезис о принадлежности Ф.И. Тютчева эпохе романтизма, по крайней мере, в его первых поэтических опытах, неоспорим. Об-

щим местом в литературоведении является теперь и мысль об объединении в творческих поисках Ф.И. Тютчева признаков и канонов нескольких литературных направлений [Тынянов; Бухштаб; Лотман]. Лирический текст в романтической культуре развивается примерно по той же траектории, что и романтический герой, который демонстрирует эволюцию от байронически одинокой личности к типу «лишнего человека». В координатах русского романтизма концепция героя включает изначально трактовку исключительной личности вне условий ее формирования, однако эта обусловленность в результате творческих поисков и смены различных акцентов в образе героя и его ценностных ориентаций не только включается в репрезентации характера персонажа, но и становится весьма жесткой в отношении поведения человека, детерминированного средой. Иными словами, исключительный герой становится типическим именно под влиянием смены понимания характеристик обстоятельств, в которых он действует. Система лирических жанров сходным образом подвергается деконструкции, включая новые жанровые модели, а чаще – так называемые внежанровые образования, которые возникают как реакция на разрушение жанровых канонов предшествующих литературных эпох. Поэтому «жанр» лирического стихотворения в наиболее широком значении термина либо становится все более интимным, включает сугубо

личностные контексты, либо приобретает эпические черты, а принципы повествовательности и сюжетности получают все большее уточнение в жанровой структуре.

Безусловно, лирический фрагмент у Ф.И. Тютчева – это жанр, который рождается на основании поливариативных связей с текстами, которые созданы поэтом ранее, и, шире, с метаконтекстом тютчевского творчества в целом, что длительное время утверждает в работах, посвященных специфике этого тютчевского идиожанра [Тынянов; Лейбов]. Действительно, восприятие тютчевских стихотворений (и не только тех, которые традиционно изучаются как лирические фрагменты) в едином текстовом пространстве вполне естественно: речь здесь может идти, прежде всего, о глубинной философской направленности, которая отличает тютчевскую лирику. Прав А. Либерман: «Никакое отдельное стихотворение Тютчева не раскроется нам в всей своей глубине, если рассматривать его как самостоятельную единицу» [Либерман: 105]. Однако при прочтении тютчевских стихотворений создается впечатление и откровенно случайного их характера в отношении тематической фиксации, что во многом может препятствовать восприятию лирики Ф.И. Тютчева как единого текста. В любом случае, жанровая форма фрагмента непротиворечиво свидетельствует о делящихся на протяжении нескольких текстов размышлениях лирического героя, при этом такие раз-

мышления гипотетически должны быть вписаны в одну тематическую сферу.

Стоит в этой связи иметь в виду, что устоявшаяся в изучении творчества Ф.И. Тютчева тенденция к рассмотрению его стихотворений как некоего синтеза, сплава признаков различных литературных направлений логически обуславливает и еще одну исследовательскую установку: лирика поэта практически всегда либо имплицитно, либо открыто отсылает читателя к образам культур прошлых эпох. Поэтому с уверенностью можно говорить о его поэтических текстах и как о воплощении антично-ренессансной и барочной аллегорической образности, и как о явной склонности Тютчева к строгости классицизма, и, разумеется, как о его тяготении к романтической символической образности. Такая стилистическая множественность закономерно должна была потребовать новой формы художественного воплощения, какой и явился тютчевский лирический фрагмент.

Но, разумеется, онтология лирического фрагмента в жанровом мышлении Тютчева определяется и спецификой отечественного литературного процесса: романтизм классического типа уходит в прошлое еще в 1820-е гг., сам романтизм на излете своего развития оказывается некоей призмой, в которой причудливо отражаются образы предшествующих культурных эпох, поэтому и лирический фрагмент утверждает стилистический полифонизм художественного

слова, который, в свою очередь, подготавливается поэтическими «припоминаниями» (в платоновском смысле) художественных опытов прошлого.

Романтизм естественным образом вбирает в себя натурфилософские размышления, при этом такая направленность его развития как бы изнутри «взрывает» основной посыл этого направления в мировом культурном процессе: отказывая человеку в предпочтениях разума, отрешаясь от картезианства, романтизм указывает единственно возможный путь познания – путь интуиции, предчувствий, почти религиозного экстаза, сакрального ощущения мира, которым должен пройти истинный художник. Практически в чистом виде эта интуитивная стратегия сохраняется в русле западноевропейского романтизма, но не таков романтизм русский: декларируя отказ от *ratio*, он все же весьма рационален, вбирая в свои устремления и сугубо логически выстроенные сентенции о правильности / неправильности структуры общества, надежды на справедливого и мудрого правителя, требования к верному гражданину и многое другое. Кроме того, русский романтизм фактически изживает в своем текстовом пространстве и практику Просвещения, без понятийных и эмоциональных констант которой невозможно представить развитие гражданского романтизма. Для русского романтизма в целом характерно осмысление внешнего и внутрен-

него мира именно с позиций рациональных, логической соподчиненности компонентов этих пространств. Вероятно, и композиция тютчевских фрагментов зачастую подчиняется именно такой рациональной логике.

Нельзя не принимать во внимание и вне-литературные факторы, определяющие течение жизни и психологические особенности Ф.И. Тютчева – реальной биографической личности. Ясно, что его принадлежность к дипломатическому корпусу – это и следствие полученного им образования, и осуществление призвания, и одно из важных условий оттачивания поэтической гениальности. Нельзя не согласиться с К.Г. Исуповым:

«Дипломат – это человек двойного зрения (слова, намерения, жеста и понимания; греч. *diplōma* – "лист, сложенный вдвое"). Только такой человек, как Талейран, мог сказать: "Язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли". Весь антураж риторического высказывания, иронии, апофатки, инверсивных конструкций, все разнообразие форм диалогического общения и грамматика полемики, программы убеждения, логика доказательства, искусство парадокса и красноречивого краснбайства, как и приемы словесной фасцинации и методики прямого внушения, отданы на потребу дипломатического дискурса» [Исупов: 23].

В задачи настоящего исследования не входит рассмотрение специфики дипломатического дискурса или коммуникативного ре-

пертуара и вербального поведения языковой личности дипломата, однако на риторичность мышления Тютчева указывал еще Ю. Тынянов [Тынянов], а на парадоксальность сочетания в этой творческой личности поэта и дипломата впервые обратил внимание Н. Асеев [Асеев]. Безусловно, в изучении онтологии лирического фрагмента принципиально важно понимание рефлексии самого Тютчева в отношении его профессиональной деятельности, и эта рефлексия может быть обнаружена не только и не столько в выборе тематики конкретного фрагмента, сколько в самой жанровой модели фрагмента: в его начале как бы с середины фразы, будто в продолжение начатого когда-то разговора, в том, как формулируется исходная проблема поэтического текста и какие идеи в ответ на проблемные вопросы отражены в нем. Ф.И. Тютчев – чиновник посольства, представитель высшего света и блестящий придворный, автор текстов, устных и письменных, создаваемых «на случай» (послания, эпиграммы, афоризмы, мадригалы), острополемичный политический публицист, причастный также и к иностранной цензуре. Ясно, что идиостиль Тютчева напрямую сформирован и реализуется в соответствии с требованиями отмеченных здесь дискурсивных сфер. И поэтому романтическая ориентированность на осмысление «вечных» тем, соседствующая с жесткой нормативностью государственной службы, должна быть, в соответствии с взаимопроникновением в язы-

ковом сознании различных дискурсивных практик, представлена в некоем причудливом синтезе несовместимых начал.

Ф.И. Тютчев – поэт-философ, это его устойчивая репутация, сложившаяся в истории литературы [Соловьев; Кожин]. При том, что исследователи отсылают обычно к влиянию на поэта философии Шеллинга [Бухштаб; Созина], отметим, что философия Тютчева – это философия экзистенциалистская в своей сущности. И, по всей видимости, поэт в эстетической практике становится предтечей этого важного для философской мысли Европы направления. Также нельзя не заметить, что Ф.И. Тютчев в каждом из своих лирических фрагментов как бы иллюстрирует некую трансцендентную идею (в том числе и когда речь идет о так называемых историко-философских фрагментах, отражающих политические события и ставящих общественно значимые вопросы), при этом вновь вспоминается картина мира, предлагаемая рационализмом: в ней все определено, устойчиво, сформировано и даже отчасти каталогизировано и систематизировано интеллектуальными усилиями человека (а то, что пока не систематизировано, несомненно, найдет свою рациональную экспликацию в будущем). И фрагмент – это мельчайшая часть устойчивой картины мира, мозаики, в которой каждый ее компонент надежно скреплен с остальными. Именно поэтому у автора фрагмента нет нужды создавать подробный

контекст для лирического события, нет потребности детализировать все ступени развития лирического сюжета – ведь и читатель знает этот макро- и метаконтекст: Тютчев нисколько не сомневается в том, что адресат его лирики обладает той же совокупностью общекультурных и собственно философских знаний, способен разделить его духовный опыт, поэтому лирический диалог с читателем поэт волен начать с любого утверждения, вопроса, восклицания, в которых может и не содержаться исходный тезис лирического рассуждения. Тютчев, в том числе и ввиду своей принадлежности дипломатическому корпусу, склонен не только к внешней элегантности, которая определяет и его отношение к поэзии, ведь стиль – это отношение человека к миру. Эта элегантность свойственна и самой форме тютчевского фрагмента – эта форма риторична, т. к. и предельная лапидарность афоризма, и острая полемичность, и поэтический жест составляют основу образотворчества в тютчевском понимании этого сложного в воплощении лирического жанра.

Классическим вариантом лирического фрагмента обычно считают четыре катрена, отделяемые пробелами друг от друга, в то время как два октета (так называемая «двойчатка») являются дополнительным вариантом к этому инварианту [Лейбов]. Тем не менее анализ жанровой модели в координатах ее художественной онтологии вполне репрезентативен в отношении стихотворения

Ф.И. Тютчева «День и ночь» (1839) [Тютчев: 185], состоящего из двух октетов. Для доказательности аналитико-интерпретативных процедур приведем его текст полностью:

«На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и, с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!» [Тютчев: 185].

Восьмистишия лирического фрагмента отделены друг от друга пробелом и противопоставлены основными семантическими доминантами, заявленными и в заглавии. Очевидно, что это не тривиально именуемая «пейзажная» лирика (которой, кстати, у Тютчева нет вовсе: все его так называемые пейзажные стихотворения принадлежат медитативной лирике) [Гаспаров]. Тем не менее этот лирический фрагмент вполне можно

квалифицировать как «натурфилософский», ведь основной смысловой акцент в нем сделан на онтологических оппозициях *свет – тьма, космос – хаос*. Поэт следует принципу контраста не только потому, что в его поэтическом сознании, как и в обыденной картине мира, день и ночь суть противоположные начала. Он избирает именно такую структуру для своего поэтического текста на основании риторических правил построения монолога, представляя фактически тезис и антитезис. Выскажем предположение, что лирический фрагмент во многом наследует ход развития поэтической мысли, свойственный сонету, однако в XIX в. уже недостаточно 14 строк: необходимы 16 для усиления ключевой идеи, уточнения поэтической мысли, явленной как бы мгновенно.

В стихотворении «День и ночь» перед нами сиюминутное восприятие дня и ночи как обыденных темпоральных явлений, с одной стороны. Но с другой – это философский трактат, данный в поэтической миниатюре, отсылающий и к эстетическим воззрениям йенских романтиков (день отвлекает своим блеском, своими зрительными впечатлениями, ночь открывает перед человеком скрытую суть мира), и к древнеиндийской философии с ее пониманием иллюзорности мира (покров майя), и, возможно, к образному восприятию этой философской системы А. Шопенгауэром в работе «Мир как воля и представление» (1818) [Шопенгауэр]. Одним из организующих

лирический фрагмент поэтических приемов становится повтор, осуществляющий смысловую связь строф; при этом повтор включен в антитетичное контекстуальное окружение: «Покров наброшен златотканый / *Высокой волею богов* < – > Ткань благодатную покрыва / Сорвав, отбрасывает прочь». В первом октете день представлен как «блистательный покров» и «души болящей исцеленье»: «День – сей блистательный покров / День, земнородных оживленье, / Души болящей исцеленье, / Друг человеков и богов!». Безусловно, Тютчев намеренно обращается здесь к стилистике эпохи классицизма – она угадывается в строках «день, земнородных оживленье» и «друг человеков и богов». Такая отсылка необходима поэту для обоснования его внутренней убежденности в благостности дня, свете разума, противоположном романтическому мировосприятию.

Ф.И. Тютчев отказывается от трактовки образа ночи в духе романтического канона: романтики считают ее временем наивысшего проявления интуиции, а значит, и творческой силы, вдохновения, гения художника. Для лирического героя Тютчева это время обнажения сути мира, но суть эта неизведанна, таинственна и пугающа. Эту мысль поэт утверждает, усиливая ее семантической градацией: *настала – пришла – отбрасывает; ночь – бездна – страхами – мглами*. Восходящая градация дополнительно уточнена и повторами *ночь* (в начале второй строфы) –

ночь (в ключевой фразе стихотворения); страхами – *страшна*. Риторичность жанрового мышления Ф.И. Тютчева находит отражение и в антитезе, которой вводится вторая строфа «Но меркнет день – *насталась ночь*». Для Тютчева философа хаос (в этом лирическом фрагменте – «бездна») – не столько творческая субстанция, сколько источник опасности для мыслящего существа: эта бездна разрушает преграду между сознанием и безотчетным, таящим в себе неизведанное, ужасное, неподчиняющееся доводам разума. Лирический герой Тютчева, страшась ночи, пытается рационально объяснить этот страх, что принципиально отличает поэтическую философию Тютчева от романтического канона в понимании творчества как феномена, с наибольшей силой проявляющегося ночью, когда интуиция не может быть ничем приглушена или скрыта.

Ключевая фраза фрагмента, по мысли поэта-философа, должна отражать онтологические выводы, и именно поэтому «теснота стихового ряда», по Ю. Тынянову [Тынянов], не позволяя сделать эту фразу слишком пространной, все же дает поэту возможность дополнить ее до четверостишия «И бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами, / И нет преград меж ей и нами – / *Вот отчего нам ночь страшна!*».

Разумеется, в понимании сущности ночи Ф.И. Тютчев следует логике раскрытия художественного образа души, центрального для

его натурфилософской лирики. Столкновение человека с бездной, с глубинами подсознания может обернуться только крушением всего мыслимого мира. Ночная бездна влечет за собой утрату внутренней целостности лирического героя, и поэтому исцеление, которое несет день, мнимо, временно, это лишь «златотканый покров». Личностное сознание оказывается пронизанным единым мировым, сакральным по своей природе, знанием, и поэтому это сознание не защищено от разрушительной силы бытия, его неумолимого движения к смерти.

Поэт воспринимает день и ночь, облик живой природы и основы мироздания, космос и хаос в абсолютном единстве, при этом хаос трактуется Тютчевым как сущность мировой души и основа всего мироздания: «Это присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты <...> И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе» [Соловьёв: 330].

Душа изоморфна мирозданию, по Ф.И. Тютчеву, поэтому она способна пронзть спасительную завесу, прямо столкнувшись с хаосом. Лирический фрагмент «День и ночь» отражает центральную мысль поэта о душе как о дисгармоничном в своей сути

феномене. Если же мы воспринимаем тютчевские лирические фрагменты как единый гипертекст, то это дает возможность видеть целостную творческую философию поэта, понятийными и образными доминантами которой выступают состояния лирического субъекта – радость, покой, ужас, тоска, сон.

Лирический фрагмент в эстетической практике Тютчева-поэта обуславливается в своей эволюции не только распадом жанровой системы, происходящей по причинам сугубо внутрилитературным и в соответствии с требованиями, которые предъявляет романтизм в своей канонической ипостаси к тексту и к художнику, не только постепенной утратой жизнеспособности романтизма в его «классическом», «чистом», первоначальном виде, каким он приходит на русскую почву, но и тем, что русский романтизм сам по себе уже имеет тенденцию к тому, чтобы быть направлением противоречивым ввиду «неизжитости» идеологии Просвещения, картезианства, рационализма, в конце концов. Лирический фрагмент оказывается в жанровом мышлении Тютчева именно таким жанром, который способен отразить всю противоречивость самой личности поэта, его стремление к отражению в своих стихотворениях различных аспектов натурфилософии, всю его текстово-дискурсивную деятельность, которая связана не только с поэзией, но и с государственной службой. Именно по-

этому определяющей чертой лирического фрагмента становится лаконичная форма при насыщенном глубинными символическими смыслами содержании. Безусловно также и то, что преобладание в тютчевской лирике если не в количественном, то в качественном отношении так называемых натурфилософских фрагментов свидетельствует об особом восприятии поэтом бытия и человека в нем, о выработке абсолютно самостоятельного эстетического и философского мышления.

Литература

- Асеев, Н. Работа над стихом. Л.: Прибой, 1929.
- Бухштаб, Б.Я. Тютчев // Бухштаб Б.Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л.: Худ.лит., 1970. С. 9–75.
- Гаспаров, М.Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 332–361.
- Исупов, К.Г. Ф.И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории // Ф.И. Тютчев: Pro et contra: личность и творчество Ф. Тютчева в оценке рус. мыслителей и исследователей: антология / сост. К.Г. Исупов. СПб: Изд-во РХГА, 2005. С. 7–42.
- Калашникова, А.Л. Динамика образа внутреннего мира в «Ночных» стихотворениях Ф.И. Тютчева // СибСкрипт. 2012а. № 3 (4). С. 222–228.

Калашникова, А.Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф.И. Тютчева: “Silentium!” и «Душа моя, Элизиум теней...» // Вестник КемГУ. 2012б. Вып. 1(49). С. 163–168.

Касаткина, В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева. М.: Просвещение, 1978.

Кожин, В.В. Пророк в своем отечестве. М.: Алгоритм, 2001.

Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева. Жанр и контекст. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000.

Либерман А. О пейзажной лирике Тютчева // Russian Language Journal. XLIII. 1989. № 144. С. 99–124.

Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство-СПб», 1996.

Соловьёв, Вл. Ф.И. Тютчев // Звучащие смыслы: творческое самосознание: Культурологический альманах / гл. ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 323–341.

Созина, Е.К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа): сб. науч. тр. Сер. «Эволюция форм художественного сознания в русской литературе» / отв. ред. Г.К. Щенников. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2001. С. 54–148.

Тынянов, Ю. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 38–51.

Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 гг. / сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002.

Чумаков Ю.Н. Принцип «перводеления» в лирических композициях Тютчева // *Studia metrica et poetica* / сост. А. К. Байбури, А. Ф. Белоусов. СПб.: Академический проект, 1999. С. 118–130.

Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: Издательство АСТ, 2020.

References

Aseev, N. (1929). *Rabota nad stikhom* [Working on a verse]. Leningrad: Priboy.

Bukhshtab, V.Ya. (1970). Tyutchev. In V.Ya. Bukhshtab, *Russkie poety: Tyutchev. Fet. Koz'ma Prutkov. Dobrolyubov* [Russian poets: Tyutchev. Fet. Kozma Prutkov. Dobrolyubov]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 9–75.

Chumakov, Yu.N. (1999) Printsip «pervodeleniya» v liricheskikh kompozitsiyakh Tyutcheva [The principle of “first division” in Tyutchev’s lyrical compositions]. In A. K. Baiburin, & A. F. Belousov (Eds.), *Studia metrica et poetica*. Saint Petersburg: Akademicheskyy project, 118–130.

Gasparov, M.L. (1997). Kompozitsiya peyzazha u Tyutcheva [Landscape composition of Tyutchev]. In M.L. Gasparov, *Izbrannyye trudy* [Selected works] (Vol. 2). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 332–361.

Isupov, K.G. (2005). F.I. Tyutchev: poeticheskaya ontologiya i estetika istorii [F.I. Tyutchev: poetic ontology and aesthetics of history]. In K.G. Isupov (Ed.), *F.I. Tyutchev: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo F. Tyutcheva v otsenke rus. mysliteley i issledovateley: antologiya* [F.I. Tyutchev: Pro et contra: the personality and creativity of F. Tyutchev in the assessment of Russian thinkers and researchers: an anthology]. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 7–42.

Kalashnikova, A.L. (2012b). “Dushevnyy mikrokozmi” v khudozhestvennom mire F.I. Tyutcheva: “Silentium!” i “Dusha moy, Elizium teney...” [“Mental microcosm” in the artistic world of F.I. Tyutchev: “Silentium!” and “My soul, Elysium of shadows...”]. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Herald of Kemerovo State University], 1 (49), 163–168.

Kalashnikova, A.L. (2012a). Dinamika obraza vnutrennego mira v “Nochnykh” stikhotvoreniyakh F.I. Tyutcheva [Dynamics of the image of the inner world in the “Night” poems of F.I. Tyutchev]. *SibSkript*, 3 (4), 222–228.

Kasatkina, V.N. (1978). *Poeziya F.I. Tyutcheva* [Poetry of F.I. Tyutchev]. Moscow: Prosveshchenie.

Kozhinov, V.V. (2001). *Prorok v svoem otechestve* [Prophet in his own country]. Moscow: Algoritm.

Leybov, R. (2000). “Liricheskiy fragment” Tyutcheva. *Zhanr i kontekst* [“Lyrical fragment” by Tyutchev. Genre and context]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Liberman, A. (1989). O peyzazhnoy lirike Tyutcheva [On Tyutchev’s landscape lyrics]. *Russian Language Journal*, XLIII (144), 99–124.

Lotman, Yu.M. (1996). *O poetakh i poezii* [On poets and poetry]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb.

Shopenhauer, A. (2020). *Die Welt als Wille und Vorstellung* [The world as will and representation] (Yu. Aykhenvald, Trans.). Moscow: AST.

Solov’ev, Vl. (2019). F.I. Tyutchev [F.I. Tyutchev]. In S. Ya. Levit (Ed.), *Zvuchashchie smysly: tvorcheskoe samosoznanie* [Sounding meanings: creative self-awareness]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentri gumanitarnykh initsiativ, 323–341.

Sozina, E.K. (2001). Diskurs soznaniya v poeticheskom mire Tyutcheva [Discourse of consciousness in the poetic world of Tyutchev]. In G.K. Shchennikov (Ed.), *Evolutsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoy literature (opyty fenomenologicheskogo analiza)* [The evolution of forms of artistic consciousness in Russian literature (experiments of phenomenological analysis)]. Ekaterinburg: Ural Federal University, 54–148.

Tynyanov, Yu. (1977). *Vopros o Tyutcheve* [Tyutchev’s problem]. In Yu.N. Tynyanov, *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Movie]. Moscow: Nauka, 38–51.

Tyutchev, F.I. (2002). *Polnoe sobranie sochineniy i pisma v 6-ti t. T. 1. Stikhotvoreniya 1813–1849 gg.* [Complete works and letters in 6 vol. Vol.1. Poems 1813–1849] (V.N. Kasatkina, Ed.). Moscow: Izdatel’skiy tsentr “Klassika”.

Для цитирования: Кузнецова А.В. Онтология лирического фрагмента в жанровом мышлении Ф.И. Тютчева // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 52–65. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-52-65

For citation: Kuznetsova, A.V. (2024). Ontology of a lyrical fragment in F.I. Tyutchev's genre thinking. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 52–65. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-52-65

ONTOLOGY OF A LYRICAL FRAGMENT IN F.I. TYUTCHEV'S GENRE THINKING

Anna V. Kuznetsova, Doctor of Philology, Professor at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the genre of the lyrical fragment, one of the most indicative of the implementation of the aesthetic principles of F.I. Tyutchev. The aim of the article is to understand the conditions and prerequisites for the formation of F.I. Tyutchev's genre of the lyrical fragment as a special model of the poet's worldview and creative world modeling. It has been proven that the evolution of the lyrical fragment in Tyutchev's poetry is due to the fact that the genre system of previous eras is being destroyed, as well as the gradual disappearance of romanticism. Attention is focused on the contradictory nature of Russian romanticism, the aesthetic principles of which include, in contrast to romanticism of Western Europe, components of the ideology of the Enlightenment, its rationalism and reliance on Cartesian philosophy. Therefore, Tyutchev's lyrical fragment is capable of expressing not only all the inconsistency of his creative personality, but also poetic natural philosophy, as well as the features of text and discursive activity in both the creative and professional spheres. The laconic form of a lyrical fragment is its defining genre feature, which contributes to the saturation of the poetic text with symbolic content. Using the example of the poem "Day and Night" (1839), it is proved that the so-called natural philosophical lyrical fragment represents the main genre model of F.I. Tyutchev's poetry. This model is distinguished by its ontological character in the poet's work, because it most clearly reflects the special perception of the existence and place of man in the world in the context of F.I. Tyutchev's holistic worldview.

Key words: lyrical fragment, genre, romantic canon, philosophical and meditative lyrics, picture of the world, genre model, natural philosophy, individual style, F.I. Tyutchev

